

ВОЗМОЖНА ЛИ ДРУГАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

А.В. Лукин

Аннотация. Обращаясь к анализу понятия *демократия*, автор отмечает, что распространенное понимание демократического устройства, предполагающее наличие таких составляющих политической системы, как периодическая смена политического руководства путем свободных выборов и обеспечение максимально широких индивидуальных прав и прав меньшинств, реализуемых в национальном государстве, далеко не всегда соответствует смысловому содержанию данного понятия. В контексте такого подхода предметом внимания автора становятся концепты выборности, права, нации-государства и т.д. Цель статьи – инициировать обсуждение проблемных зон и “точек напряжения” демократии, часто находящихся на периферии политологического дискурса.

Ключевые слова: демократия, власть, выборы, права человека, государство, общество, нация, идеология.

Во второй половине XX века в политической науке и особенно в настроениях политических элит большинства стран мира утвердилось представление о том, что демократия является идеальным или, во всяком случае, наилучшим из возможных общественным строем. На политической арене практически не ведется споров о том, хороша или плоха демократия, спорят лишь о том, какая демократия более демократична и что является истинной демократией. В совместном заявлении экспертов, участвовавших в проведенном под эгидой ЮНЕСКО в 1951 г. симпозиуме “Демократия в мире напряженности”, отмечалось: “Впервые в мировой истории никакие доктрины не выдвигаются как антидемократические. Обвинения в антидемократических действиях или подходе часто направлены против других, но практические политики и политические теоретики согласны, подчеркивая демократический элемент в институтах, которые они защищают, и в теориях, которые они отстаивают” [McKeon 1951: 522-523].

Как замечали многие авторы, это стремление любого современного правительства и общественного движения называться демократическим настолько расширило значение термина, что почти лишило его реального содержания [см. напр. Dahl 1989: 2]. Тем не менее, это содержание не исчезло окончательно. В настоящей статье говорится о понимании демократии, наиболее широко распространенном в современном мире и зафиксированном в большинстве международных документов. В рамках этого понимания важнейшими чертами демократического общественного устройства считаются периодическая смена политического руководства путем свободных выборов, основанных на голосовании, и обеспечение максимально широких индивидуальных прав и прав меньшинств, реализуемых в национальном государстве. Цель данной статьи – показать, что, во-первых, такое устройство в гораздо меньшей степени, чем ряд других, может претендовать на название “демократия”, а закрепление его за ним является исторической случайностью, и, во-вторых, что оно, даже с точки зрения достижения целей, которые обычно провозглашаются его

сторонниками, отнюдь не обязательно является наиболее разумным и предпочтительным.

Видный теоретик современного либерализма И. Берлин писал, что демократия вовсе не во всех случаях обеспечивает более высокий уровень свободы и что можно представить себе просвещенный авторитарный режим, который обеспечивает большую свободу творчества, чем какой-то конкретный демократический, где доминирующее большинство установит жесткую цензуру [Berlin 1969]. Поэтому если считать целями общественного развития достижение большей степени свободы и благосостояния, с чем согласятся все сторонники демократии, бездумное и повсеместное навязывание лишь одной ее формы является тем более неразумным. Попробуем последовательно критически рассмотреть три столпа современной демократической мифологии и каждому из них предложить не менее, а, может быть, и более легитимную и разумную альтернативу.

1. ВЛАСТЬ НАРОДА И ВЫБОРЫ

Выборы путем голосования сегодня считаются основой демократии почти во всех ее концепциях и практических применениях. Одно из наиболее мощных направлений в современной политической науке продолжает мнение, высказанное Й. Шумпетером еще в 1942 г., согласно которому выборы вообще являются единственным объективным критерием демократии [Schumpeter 1942: 269]. Но даже те, кто считает, что демократия должна характеризоваться некоторым набором признаков, всегда ставят выборы на одно из первых мест в этом списке. В практической же политике и в общественном сознании определение Й. Шумпетера получило всеобщее распространение. Как сегодня определяют, является ли то или иное государство демократическим? Естественно, прежде всего узнавая, сменилось ли его руководство в прошлый раз путем всеобщих выборов.

По поводу подобной трактовки демократии можно высказать (и неоднократно высказывалось) множество соображений. Заострим внимание лишь на одном из них. Под определение Й. Шумпетера никак не подходит та демократия, которая, собственно, и дала нам это понятие, а именно, греческая, прежде всего, афинская демократия. Известные источники по афинскому государственному строю, в первую очередь, “Афинская полития” Аристотеля, свидетельствуют, что демократией в Древней Греции назывался строй, при котором граждане принимали непосредственное участие в управлении государственными делами. Это участие обеспечивалось, во-первых, правом каждого участвовать в периодически собиравшемся высшем органе государственной власти — Народном собрании и, во-вторых, равной возможностью каждого занять практически любую государственную должность на основании жеребьевки. Голосованием в Афинах замещалось лишь небольшое число специфических должностей, требовавших особого профессионализма, в частности, стратегов (командующих войском). Строй же, базирующийся на выборном занятии руководящих должностей, именовался в Древней Греции аристократией либо олигархией, которая, как считалось, выражала интересы зажиточного меньшинства¹. Такое понимание сохранилось до XVIII в. Автор

---

¹ Как олигархию, например, Аристотель определяет правление Четырехсот, когда после крупного военного поражения в 411 г. до н.э. для управления Афинами было избрано четыреста представителей.

статьи “Представительство” в знаменитой французской “Энциклопедии” П. Гольбах писал: “В чисто демократическом государстве нация, собственно говоря, не представлена: весь народ сохраняет за собой право излагать свою волю на общих собраниях всех граждан. Однако, как только народ выбрал своих магистратов, которым вверил свою власть, они становятся его представителями, и в соответствии с большей или меньшей властью, которую народ сохранил за собой, образ правления либо становится аристократическим, либо остается демократическим” [Представители... 1978].

Понимание демократии как непосредственного правления народа, основанного на избрании политического руководства жребием, сохранялось довольно долго, во всяком случае, гораздо дольше, чем впоследствии ее отождествление с представительным правлением. Более того, система жребия действовала на практике и позднее, например, в Венецианской республике, дожившей до наполеоновских времен. Демократия понималась как непосредственная власть народа еще у Ш. Монтескье, который поэтому считал возможным лишь частичное ее осуществление при республиканском правлении и полностью невозможным в крупных государствах.

Даже родители современной демократии – отцы-основатели Соединенных Штатов – в действительности еще не трактовали систему, созданную ими, как демократическую, предпочитая называть ее республикой (как антитезу монархии). Для наиболее выдающегося теоретика того периода Дж. Мэдисона, разработавшего концепцию баланса властей как гарантии сохранения свободы, термин “демократия” означал скорее одностороннее правление толпы, которое привело бы к разрушению этого баланса и уничтожению свободы [Hamilton, Madison, Jay 1961: 81].

Соединение идеи демократии с идеей представительного правления произошло уже ближе к середине XIX в., и в дальнейшем термин окончательно приобрел свое нынешнее значение.

Впрочем, сегодня вряд ли по примеру Конфуция стоит настаивать на придании словам изначального смысла (хотя понимание их изначального смысла весьма полезно). Вопрос не в том, как называли бы современную демократию греки, а в том, не оказалась ли в ней утерянной непосредственная заинтересованность каждого в политическом процессе и связанное с ней чувство социальной ответственности. Вопрос также в том, можно ли считать общество управляемым всем народом, если большая часть населения лишь раз в несколько лет голосует за своих представителей, известных им чаще всего по пропагандистским листовкам и отрывочным фразам, услышанным по телевидению, а оставшееся до новых выборов время прокликает себя за недостаточно продуманный выбор. В этой ситуации выдвигаемые такими теоретиками, как Дж. Бурнхайм [Burnheim 1985: 154], предложения о возможности применения жребия при занятии некоторых должностей звучат не так уж нелепо.

Прежде всего, принцип избрания по жребию вовсе не забыт в современном мире окончательно. Во многих странах он эффективно действует при составлении коллегий присяжных в суде. Применяется он и при определении очередности выступлений во многих организациях, в том числе и в ООН, а также при избрании предстоятелей некоторых православных церквей² и в католической

² До 1917 г. он неоднократно применялся и при избрании Патриархов Московских.